

Всего несколько слов — и ревность захлестнула Сюэ Бэйвана с головой.

Он вскинул голову, сиюсь выдавить улыбку, но губы свело судорогой, и выражение лица вышло натянутым и нелепым.

— Поздно уже, — пробормотал он. — Иди спать.

— В кухне еще снадобье варится, — отозвался Бай Чэнцзюэ. — Пойду присмотрю.

Увидев, что тот собирается уйти, Сюэ Бэйван подался вперед:

— Цзюэюй...

Бай Чэнцзюэ замер, а затем обернулся. Он смотрел с теплой, ласковой усмешкой, похожей на робкий луч зимнего солнца.

Сюэ Бэйван беспокойно облизнул пересохшие губы:

— Если в день, когда тебя выкупят, князь Минь пришлет за тобой людей... ты уедешь с ним?

Первая красавица опустила взор. В глубине его души зашевелилось лукавство — этот хитрый лис никак не мог отказать себе в удовольствии подразнить глупого воина. Вновь взглянув на Сюэ Бэйвана, он протянул с мягкой улыбкой:

— Пожалуй, уеду...

Эти слова заставили Сюэ Бэйвана помрачнеть. Он крепко сжал губы, более не в силах скрывать терзавшую его обиду.

Будучи человеком честным и прямым, Бэйван прекрасно понимал, что князь Минь — законченный мерзавец, но не решался очернять его в глазах любимого. Он изо всех сил старался сохранить невозмутимый вид, но смотрел на Цзюэюй с такой детской досадой, словно беззвучно спрашивал: «И что ты только нашел в этом князе?»

Бай Чэнцзюэ втайне забавляло, что Сюэ Бэйван видит в его собственном втором облики главного соперника.

Он слишком четко разделял свои маски. Ему нужно было провести эту границу сейчас, чтобы потом, когда он будет восседать в поместье князя Миня перед разгневанным, готовым к убийству Сюэ Бэйваном, их отношения оставались предельно ясными.

Глубокой ночью Бай Чэнцзюэ принес дымящийся отвар. Не желая утруждать его, Сюэ Бэйван порывисто выхватил пиалу из его рук и опрокинул в себя, собираясь выпить горячую жидкость залпом.

Испугавшись, Бай Чэнцзюэ перехватил его запястье. От резкого движения темное варево плеснуло через край, и несколько горячих капель попали на нежную белую кожу его руки. На тыльной стороне ладони мгновенно расплылось пунцовое пятно.

Сюэ Бэйван в панике отшвырнул чашу на столик и вскочил.

Бай Чэнцзюэ поспешно спрятал обожженную руку за спину и с укором произнес:

— Господин Сюэ так спешит, словно боится, что я отберу у него это снадобье?

— Нет... нет, что ты! — Бэйван бережно поймал его за запястье. Увидев уродливый багровый ожог, он склонился над ладонью и принялся отчаянно дуть на нее, пытаясь облегчить боль. — Это все я... Какой же я неловкий! Прости меня!

Бай Чэнцзюэ тихо вздохнул и осторожно высвободил руку:

— Пустяки, скоро пройдет. Ты ведь сам гнал меня спать. Допивай лекарство и ложись.

«Беда! Обиделся!» — пронеслось в голове Сюэ Бэйвана.

Он вовсе не хотел злиться, просто ревность на мгновение лишила его разума. Провожая тоскливым взглядом удаляющуюся фигуру, воин заметил оставшийся на табурете отвар, в сердцах взъерошил волосы и глухо застонал от досады на самого себя.

Глубокой ночью, когда мир укрыла сонная мгла, Бай Чэнцзюэ набросил на плечи халат и толкнул дверь. На крыльце, прислонившись спиной к деревянной подпорной колонне, сидел Сюэ Бэйван. Он тяжело склонил голову на грудь, но стоило раздаться тихому скрипу петель, как он вострепнулся, поспешно вскинул взгляд на тонкий серп луны и принялся хлопать себя по щекам, разгоняя сон.

Бай Чэнцзюэ бесшумно подошел со спины, оперся рукой о столб и наклонился к нему, заглядывая в лицо.

В серебряном сиянии ночи их глаза встретились. Лицо Цзюэюй оказалось так близко, что Бэйвану стоило лишь чуть податься вперед, чтобы коснуться этих мягких губ.

Их дыхание смешалось. Бай Чэнцзюэ протянул руку и ласково коснулся его обветренной щеки.

— Глупый... Чего ты тут сидишь?

Просидев на пронизывающем холоде полночи, Бэйван ответил сиплым, простуженным голосом:

— Ты ведь больше не сердишься? Правда?

Бай Чэнцзюэ промолчал. Он снял свой теплый халат, бережно набросил его на широкие плечи воина и вдруг крепко обнял его, прижав к себе. Кожа Сюэ Бэйвана казалась ледяной — холоднее деревянного столба, у которого он караулил. Тихо вздохнув, Чэнцзюэ мягко потерся щекой о его ухо. Бэйван замер, словно пораженный громом, а затем робко прижался к нему теснее, закусив губу и не смея вымолвить ни слова.

— Бэйван, ты же совсем заледенел, — нежно упрекнул его Чэнцзюэ, забирая его окоченевшие ладони в свои и принимаясь ласково их растирать.

Сюэ Бэйван бесчисленное множество раз воображал, как они станут близки, но никогда не думал, что окажется зажат в чужих объятиях, точно испуганный птенец.

Он репетировал извинения сотни раз, но все заготовленные речи вылетели из головы.

— Цзюэ... Цзюэюй...

— Я и не думал злиться.

Бэйван неловко кашлянул:

— Вообще-то, в книжках все должно быть наоборот. Это я должен держать тебя на руках.

Бай Чэнцзюэ тихо рассмеялся и, взглянув на его растерянное лицо, спросил:

— Это еще почему?

— Ну как же, — с самым серьезным видом принялся объяснять воин. — В романах благородные герои всегда защищают прекрасных дев, укрывая их от невзгод. Где это видано, чтобы богатыря нянчили, как дитя?

— Вот как?.. Ну, если тебе не по нраву мои объятия, я уйду. А ты возвращайся в комнату. — Бай Чэнцзюэ притворился, что разжимает руки, но Сюэ Бэйван тут же мертвой хваткой вцепился в его запястья. — Что такое?

— Мне нравится, — буркнул он, пряча взгляд.

Бай Чэнцзюэ лишь крепче сжал объятия, и Бэйван наконец расслабился.

Они долго сидели на крыльце под безмолвным небом, пока чернильная тьма над головой не начала медленно рассеиваться, уступая место блеклым предрассветным сумеркам. Посмотрев на пригревшегося воина, Чэнцзюэ обнаружил, что тот, уткнувшись ему в плечо и слегка приоткрыв рот, уже давно крепко спит.

Попытавшись осторожно подняться, чтобы уложить Сюэ Бэйвана в постель, Чэнцзюэ потревожил его сон. Великан сонно приоткрыл один глаз, инстинктивно повернулся и покрепче ухватился за его рукав, умудрившись при этом пустить слюну прямо на его шелковый ворот.

Бай Чэнцзюэ с улыбкой уставился на мокрое пятно. Качнув головой, он легонько ткнул пальцем в теплую щеку воина и едва слышно прошептал:

— Даже мой племянник не ведет себя столь беспардонно.

Эти слова растворились в тишине уходящей ночи.

Сюэ Бэйван спал непробудным сном, пока солнце не поднялось высоко в зенит. И все это время Чэнцзюэ терпеливо сидел неподвижно, баюкая его в своих объятиях.

Когда этот увалень наконец соизволил проснуться, он заспанно и в ужасе уставился на Чэнцзюэ. Осознав, сколько времени прошло, Бэйван сгруппировал со всей силы уцепился за щеку — да так больно, что даже вжал голову в плечи.

Потирая горящую щеку, он вновь преданно заглянул в глаза Чэнцзюэ, чувствуя себя еще более виноватым, чем накануне вечером.

— Я... я ведь шел просить прощения, — запинаясь, пробормотал он. — Думал, ты проснешься, услышишь мои слова, и тебе станет легче... А вместо этого...

Бай Чэнцзюэ с тихим стоном потянулся и потер затекшую поясницу:

— От твоих извинений у меня теперь все кости ломит.

Бэйван подскочил как ошпаренный и принялся суетливо разминать ему плечи:

— Правду говорят, я набитый дурак! Пришел мириться, а сам заставил тебя нянчиться со мной всю ночь! — Он сокрушенно покачал головой. Сама мысль о том, что Первая красавица просидела ради него на холоде до полудня, отзывалась в его сердце невыносимой болью. Бэйван сейчас отдал бы все, лишь бы кто-нибудь хорошенько отколотил его за такую глупость.

Бай Чэнцзюэ показал ему пострадавшую накануне ладонь с покрасневшей кожей:

— И рука все еще горит.

— Сейчас, сейчас... я подую... — Бэйван бережно взял его ладонь и принялся усердно овеивать ее прохладным дыханием.

Легкий ветерок ласкал ноющую кожу, принося удивительное облегчение.

Чэнцзюэ хотел было еще подразнить своего заступника, но стоило ему подняться, опершись о колонну, как мир перед глазами покачился и стремительно закружился. Пальцы судорожно вцепились в дерево. Из самого сердца, где долгое время царило обманчивое затишье, вдруг рванулась волна испепеляющей, дикой боли — словно грудную клетку разорвало изнутри.

Он видел, как Сюэ Бэйван что-то испуганно кричит, но уши заложило плотным гулом, заглушившим все звуки. Превозмогая слабость, Чэнцзюэ из последних сил оттолкнул ошеломленного воина, ворвался в комнату и захлопнул дверь, наощупь задвинув тяжелый засов.

В следующий миг он содрогнулся от удушливого кашля. На ладонь хлынула теплая, липкая кровь, окрасив пальцы в багровый цвет. Сквозь звон в ушах доносились глухие удары в дверь и отчаянный, срывающийся голос Бэйвана, зовущий Цзюэюй.

Шатаясь, Бай Чэнцзюэ добрался до кровати, дрожащими руками извлек из тайника флакон со снадобьем Е Гуя и проглотил пилюлю. Рухнув на постель, он закрыл глаза, пытаясь усмирить взбунтовавшуюся ци и унять разрывающий тело яд.